

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2024 Том 29, №4

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ



Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2024

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2024 Vol. 29, №4

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA



Barnaul

Publishing house
of Altai State University
2024

СОДЕРЖАНИЕ

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ
2024 Том 29, №4

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

Дьякова О.В. Классификация и хронология северо-западной группы мохэских памятников бассейна Раздольной в Южном Приморье.....	7
Кожевникова Д.В. Проблема функционального назначения костяных «игольников» на примере трубчатых костей лебедя из погребения № 12 Серовского могильника (неолит, Прибайкалье, раскопки А. П. Окладникова)	24
Колобова К.А., Харевич А.В. Бочарова Е.Н., Павленок Г.Д., Жданов Р.К., Кривошапкин А.И., Мухтаров Г.А., Худжагедиев Т.У. Кареноидная технология в верхнем палеолите запада Центральной Азии: конвергентное развитие или трансфер культурных традиций.....	41
Григорьев С.А. Природные катастрофы как маркеры хронологии китайских династий и возможности для связи с хронологией Евразии в бронзовом веке	58
Цыбиктаров А.В. Плиточные могилы и херексуры могильника Старая Капчеранка I в свете относительной и абсолютной хронологии памятников культуры плиточных могил и культуры херексуров	79

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Курбанова З.И. Текстильные традиции каракалпаков: курақ и жыртыс в семейных обрядах.....	107
Зинченко А.В. Формирование чайного комплекса «Семь ритуалов» и система наставничества в японской чайной школе Омотэ-сэнкэ	125
Ожередов Ю.И. Палеоселькупы шиешгула и селькупы шёшкуп. Аспекты погребальных церемоний по данным археологии и этнографии.....	141
Щеглова Т.К. Коммуникация депортированных немцев и власти в поисках гражданского согласия и этнической идентичности в 1950–1970-е гг.	164

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Забияко А.П., Ван Цзюньчжэн. Буддизм в государстве Цзинь: границы распространения буддизма на территориях чжурчжэней (в бассейне Амура).....	188
Дашковский П.К., Бичелдей У.П., Монгуш А.В. Положение буддийских общин в Туве в системе государственно-конфессиональных отношений СССР в середине 1950-х гг.	211
Долин В.А. Критика экономических привилегий Грузинской православной церкви в дискурсе либерализации государственно-конфессиональных отношений в Грузии....	234

ДЛЯ АВТОРОВ.....	251
------------------	-----

CONTENT

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

2024 Vol. 29, №4

Section I

ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY

Dyakova O. V. Classification and chronology of the northwestern group of Mohei monuments of the Razdolnaya basin in Southern Primorye	7
Kozhevnikova D. V. The problem of functional determination of bone “needle cases” — case of swan long bones from the grave no. 12 in the Serovsky burial (Neolithic, Cis-baikal, excavations by A. P. Okladnikov).....	24
Kolobova K.A., Kharevich A.V., Bocharova E.N., Pavlenok G.D., Zhdanov R.K., Krivoshapkin A.I., Muhtorov G.A., Khudzhageldiev T.U. Carinated technology in the upper palaeolithic of west Central Asia: convergent evolution or cultural transfer	41
Grigoriev S.A. Natural disasters as benchmarks of the chinese dynasties chronology and opportunities for connection with the chronology of Eurasia in the bronze age	58
Tsibiktarov A.D. Slab graves and kherekssures of the staraya kapcheranka i burial ground in light of the relative and absolute chronology of the monuments of the slab grave culture and kherekssur culture.....	79

Section II

ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY

Kurbanova Z.I. Textile traditions of Karakalpaks: quraq and zhyrtys in family rites.....	107
Zinchenko A.V. The formation of the “Seven Rituals” tea complex and the mentorship system in the Japanese tea school Omotesenke	125
Ozheredov Yu.I. Paleoselkupy “shieshgula” and selkup shoshkup. Aspects of funeral ceremonies according to archeology and ethnography.....	141
Shcheglova T.K. Communication of german deportees and authorities in pursuit of civil consent and ethnic identity in the years 1950–70-ths	164

Section III

RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSITIONAL RELATIONS

FOR AUTHORS

Zabiyako A.P., Wang Junzheng. Buddhism in the Jin Empire: the boundaries of the spread of Buddhism in the jurchen territories (in the Amur River basin)	188
Dashkovskiy P.K., Bicheldey U.P., Mongush A.V. The position of Buddhist communities in Tuva in the system of state-confessional relations of the USSR in the mid-1950s.	211
Dolin V.A. Criticism of the economic privileges of the Georgian orthodox church in the discourse of liberalization of state-confessional relations in Georgia.....	234

FOR AUTHORS.....	251
------------------	-----

УДК 902: (571.54 + 571.55 + 517.3)
DOI 10.14258/10.14258/nreur(2024)4-05

А.Д. Цыбиктаров

Бурятский государственный университет (Улан-Удэ, Россия)

ПЛИТОЧНЫЕ МОГИЛЫ И ХЕРЕКСУРЫ МОГИЛЬНИКА СТАРАЯ КАПЧЕРАНКА I В СВЕТЕ ОТНОСИТЕЛЬНОЙ И АБСОЛЮТНОЙ ХРОНОЛОГИИ ПАМЯТНИКОВ КУЛЬТУРЫ ПЛИТОЧНЫХ МОГИЛ И КУЛЬТУРЫ ХЕРЕКСУРОВ

Статья посвящена публикации материалов раскопок могильника Старая Капчеранка I на юге Республики Бурятия (Российская Федерация) и историко-культурной оценке полученных источниковедческих сведений. На памятнике были раскопаны объекты двух археологических культур Центральной Азии: культуры плиточных могил и культуры херексуров. Они включали херексур с прямоугольной оградой, два его жертвенныхника и две плиточные могилы. Источниковедческая ценность памятника заключается в том, что раскопки на нём выявили: 1) факт перекрытия конструкциями двух плиточных могил ограды херексура; 2) акт осквернения херексура носителями культуры плиточных могил и сооружения двух плиточных могил, которые перекрыли ограду херексура; 3) фиксация ответного осквернения обеих плиточных могил носителями культуры херексуров. Эти факты имеют большое значение для установления относительной хронологии появления погребальных сооружений на данном могильнике. Они показывают возведение сначала херексура, а после этого — плиточных могил. Осквернение носителями культуры плиточных могил и культуры херексуров могил друг друга показало одновременность их существования на территории Южной Бурятии и соседних районов Монголии. Радиоуглеродная дата плиточной могилы № 2 поместились в пределах 3020 ± 100 л. т. н., от конца XII до конца X в. до н. э. Она соотносится с эпохой поздней бронзы. Обосновывается причина появления населения культуры херексуров в регионе Южной Бурятии и сопредельных районов Центральной Монголии в результате его миграции из Западной Монголии вследствие ухудшения экологических условий и давления избытка населения на пастищные ресурсы в условиях кочевого и полукочевого скотоводства на территории его проживания. Результаты раскопок выявили такие особенности погребального обряда населения культуры плиточных могил и культуры херексуры, как совершение захоронений на уровне древней дневной поверхности или в ямах небольшой глубины, сооружение кладок могильных сооружений на почвенном горизонте, наличие варианта обряда захоронения без помещения в могилы инвентаря, использование огня для очищения места совершения погребения, использования мяса домашних животных и шкур лошадей с неотделёнными от них головами при исполнении обряда захоронения. Характер нарушения целостно-

сти конструкций плиточных могил и херексуров позволил выявить сакральность восточной стороны для населения культуры плиточных могил и западной стороны горизонта для носителей культуры херексуров.

Ключевые слова: культура плиточных могил, культура херексуров, обряд захоронения, конструкция, миграции, осквернение, палеогеография, палеоэкономика, кочевое скотоводство, относительная, абсолютная хронология, сакральный мир

Для цитирования:

Цыбиктаров А. В. Плиточные могилы и херексуры могильника Старая Капчеранка I в свете относительной и абсолютной хронологии памятников культуры плиточных могил и культуры херексуров // Народы и религии Евразии. Т. 29. № 4. С. 79–106. DOI 10.14258/10.14258/nreur(2024)4-05.

A. D Tsibiktarov

Buryat State University (Ulan-Ude, Russia)

SLAB GRAVES AND KHEREKSURES OF THE STARAYA KAPCHERANKA I BURIAL GROUND IN LIGHT OF THE RELATIVE AND ABSOLUTE CHRONOLOGY OF THE MONUMENTS OF THE SLAB GRAVE CULTURE AND KHEREKSUR CULTURE

The article is devoted to the publication of the excavation materials of the Staraya Kapcheranka I burial site in the south of the Republic of Buryatia (Russian Federation) and the historical and cultural evaluation of the obtained source studies information. At the site, objects of two archaeological cultures from Central Asia were excavated: the Slab Grave culture and the Khereksur culture. They included a khereksur with a rectangular fence, its two altars, and two slab graves. The value of the source study of the site lies in the fact that excavations on it revealed: 1. The fact of overlapping the fence of the khereksur with the structures of two slab graves. 2. An act of desecration of the khereksur by the bearers of the Slab Grave culture and the construction of two slab graves that overlapped the fence of the khereksur were established. 3. An act of retaliatory desecration of both slab graves was recorded by Khereksur culture bearers was recorded. These facts are of great importance for establishing the relative chronology of the construction of burial structures on this burial ground. They show the construction of Khereksur first and then the slab graves. The desecration of each other's graves by the bearers of the slab grave culture and the Khereksur culture showed the simultaneity of their existence in the territory of Southern Buryatia and neighboring regions of Mongolia. The radiocarbon date of slab grave No. 2 fits within 3020+100 BP, from the end of the 12th to the end of the 10th century BC. It is associated with the Late Bronze Age. The reason for

the appearance of the Khereksur culture population in the region of Southern Buryatia and adjacent areas of Central Mongolia as a result of its migration from Western Mongolia due to the deterioration of environmental conditions and the pressure of excess population on pasture resources under the conditions of nomadic and seminomadic cattle breeding in the territory of its residence is substantiated. The results of excavations revealed such features of the burial rite of the population of the Slab Grave Culture and Khereksur culture as: burials at the level of the ancient daylight surface or in shallow pits, construction of masonry of grave structures on the soil horizon, the presence of a burial rite option without placing inventory in the graves, the use of fire to cleanse the burial site, the use of meat of domestic animals and horse skins with their heads intact when performing the burial rite. The nature of the violation of the integrity of the structures of slab graves and khereksurs allowed us to identify the sacredness of the eastern side for the population of the slab grave culture and the western side of the horizon for the bearers of the khereksur culture.

Keywords: slab graves culture, khereksur culture, burial rite, construction, migrations, desecration, paleogeography, paleoeconomics, nomadic cattle breeding, relative, absolute chronology, sacred world

For citation:

Tsibiktarov A. V. Slab graves and khereksures of the Staraya Kapcheranka I burial ground in light of the relative and absolute chronology of the monuments of the slab grave culture and khereksur culture. Nations and religions of Eurasia. T. 29. № 4. P. 79–106 (in Russian). DOI 10.14258/10.14258/nreur(2024)4–05.

Цыбиктаров Александр Дондопович, доктор исторических наук, доцент кафедры всеобщей и отечественной истории Бурятского государственного университета, Улан-Удэ (Россия). **Адрес для контактов:** a.d.tsibiktarov@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0004-8121-8147>

Tsibiktarov Alexander Dondopovich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of General and National History of the Buryat State University, Ulan-Ude (Russia). **Contact address:** a.d.tsibiktarov@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0004-8121-8147>

Введение

Одной из культурно-исторических областей на археологической карте бронзового и раннего железного веков великого пояса степей Евразии является Центральная Азия³. Изучение этих эпох в регионе сложилось весьма неоднозначно. На протя-

³ Под регионом Центральная Азия автор понимает обширные территории в пределах Монголии, Южных районов Забайкалья, Тувы, юго-восточных районов Горного Алтая, Ордоса и Тибетского нагорья, которые еще со второй половины XIX в. представители отечественной географической науки называли Центральной Азией [Обручев, 1948: 91–92; Обручев, Фрадкин, 1947: 52; Мурзаев, 1952: 15; 1956: 191–193; Синицын, 1959: 5–11; 1978: 49; Кузнецов, 1968: 5].

жении длительного времени до 1980-х гг. представления о них на территории Монголии и Южного Забайкалья в основном базировалось на материалах плиточных могил (далее ПМ), оленных камнях (далее ОК) и случайных находках различных предметов этих эпох. При этом культура плиточных могил (далее КПМ) восточной части региона и оленные камни обычно датировалась скифским временем, VII–III вв. до н. э., а предшествующие периоды бронзового века, по мнению исследователей, были представлены случайными находками (см. [Боровка, 1927; Сосновский, 1941; Диков, 1958; Волков, 1967; Сэр-Оджав, 1971; Гришин, 1975] и др.). Широко распространенные в Западной Монголии каменных курганы, в том числе заключенные в ограды разных форм (херексуры) считались близкими к саяно-алтайским курганам Южной Сибири, однако вопрос об их культурной принадлежности не рассматривался, а датировка определялась в пределах I тыс. до н. э. [Волков, 1967: 46–47]. Вместе с тем благодаря сведениям Г. Ф. Дебеца стало известно, что Г. П. Сосновский датировал херексуры скифским временем в пределах IV–III вв. до н. э. [Дебец, 1948: 118]. В. В. Волков также относил сложноорганизованные херексуры, в комплекс которых входили ОК, скифским временем [Волков, 1967: 48]. Однако Г. И. Боровка, А. П. Окладников с 1920–1940-х гг. и их последователи относили херексуры к тюркскому времени [Боровко, 1927: 72–76; Окладников, 1951: 449; Кириллов, 1979: 67; Хамзина, 1984, 84–85].

Из числа памятников наскального искусства Монголии и Южного Забайкалья были выделены рисунки бронзового и раннего железного веков, нанесенные в разной технике исполнения на скальную поверхность — краской, выбивки и прошлифовки. Но лишь первые из них — петроглифы селенгинского типа — получили привязку к КПМ. Относительно остальных констатировалась близость к петроглифам Южной Сибири и Средней Азии скифского времени, однако вопрос об их культурной принадлежности оставался открытым [Окладников, Запорожская, 1970: 64–89, 133–159, 167; Диков, 1958: 46–49; Волков, 1967: 80–87].

С начала 1980-х гг. источникование рассматриваемых эпох было уточнено и дополнено автором данной статьи и Ю. С. Худяковым в результате новых исследований херексуров на территории Монголии и Южной Бурятии. В 1983 и 1986 гг. автором на могильниках Улзыт III и VI в Южной Бурятии были раскопаны херексуры и ПМ, материалы которых позволили датировать херексуры сначала раннескифским, VIII–VI вв. до н. э., а затем и позднебронзовым, конец II — начало I тыс. до н. э., временем. Безынвентарный обряд захоронения и установка валунной камеры погребения херексура на могильнике Улзыт III на уровне древнего горизонта находили полные аналогии в памятниках Тувы указанных эпох [Цыбиктаров, 1985: 249].

На могильнике Улзыт VI было выявлено перекрытие ограды херексура кладкой сдвоенных ПМ, под которой полностью сохранились камни ограды херексура. Полученные стратиграфические данные не оставляли сомнения в синхронности или более ранней, по сравнению с ПМ, датировке херексура, могильная камера которой была сооружена на уровне древней поверхности. Полученная информация подтверждалась и сводкой сведений о раскопках около 40 херексуров на территории Монголии и Южной Бурятии [Цыбиктаров, 1988]. Аргументация Ю. С. Худякова основывалась на планиграфической привязке херексуров к ОК монголо-забайкальского типа, которые он в своем типоло-

гическом ряде эволюции ОК отнес к периоду развитой бронзы, но не дав при этом абсолютного определения этого времени [Худяков, 1986, 1987].

В последующие годы в Южной Бурятии на памятниках Старая Капчеранка I, Тэмэхад II, Байн-Улан II были выявлены новые случаи не только наложения ПМ на ограды херексуров, но и перекрытия кладкой кургана-жертвеннника культуры херексуров (далее КХ) конструкций ПМ на могильнике Тэмэ-хад II. Они дали информацию по разным аспектам изучения эпохи поздней бронзы и раннего железа в регионе не только Южного Забайкалья, но и Монголии. Настоящая статья посвящена публикации материалов раскопок одного из памятников на могильнике Старая Капчеранка I на границе указанных выше регионов.

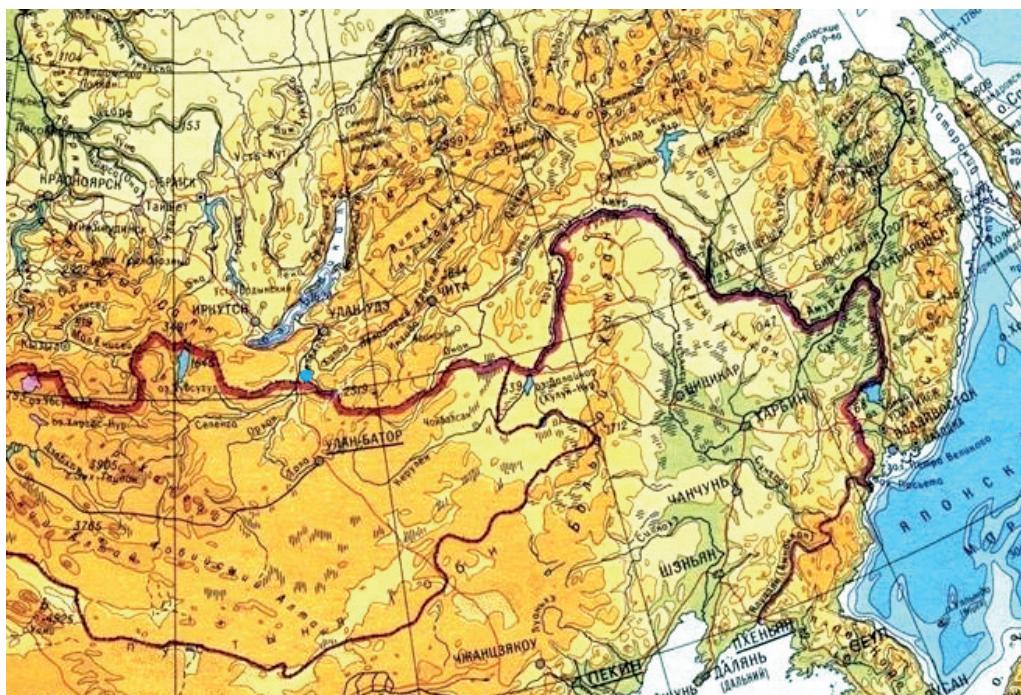


Рис. 1. Местонахождение могильника Старая Капчеранка I

Fig. 1. Location of the Staraya Kapcheranka burial ground I

Памятник и его местонахождение

Могильник Старая Капчеранка I относится к памятникам смешанного типа. В его состав входят ПМ, херексуры, курган монгун-тайгинского типа, кладки хуннского и средневекового времени. Памятник находится в одноименной пади в местности Бурдуны Кяхтинского района Республики Бурятия в 15 км к северо-востоку от города Кяхта (рис. 1) в междуречье Селенги и ее правого притока Чикоя. В 2–2,5 км к югу от могильника проходит государственная граница между Российской Федерацией и Монгoliей. Местность прорезает овраг, по дну которого протекает ручей. Данная падь разделяет две горы — Сывгы-Дырсыг и Тэмэ-хад. Описываемый могильник располагает-

ся на восточном склоне гривы, спускающейся от вершины первой горы по направлению север-северо-восток — юг-юго-запад (рис. 2).



Рис. 2. Могильник Старая Капчеранка I. Вид с юго-востока — востока (120°)

Fig. 2. The burial ground of Staraya Kapcheranka I. View from the SE (120°).

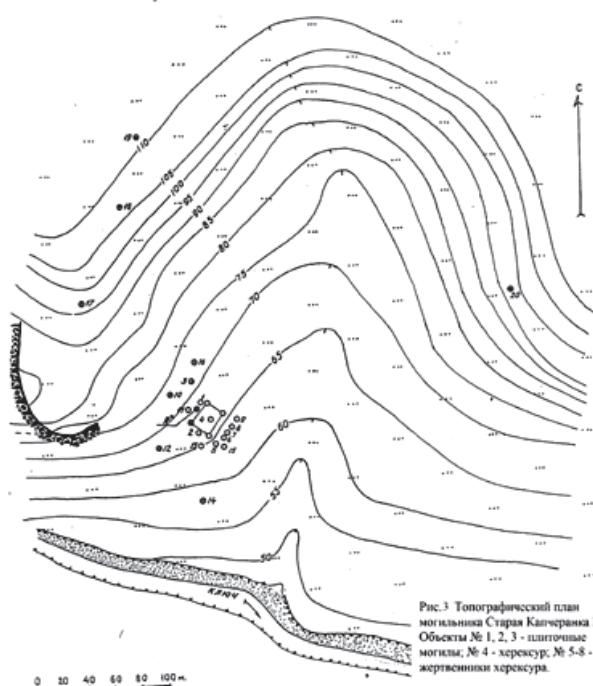


Рис. 3. План могильника
Старая Капчеранка I
Fig. 3. Fig. 3 Plan of the Staraya
Kapcheranka burial ground I.

На юго-юго-западном конце грива круто обрывается к ложбине ручья отвесной скалой. По отношению к гриве памятник расположен на восточном склоне, а от скалы, если брать его юго-юго-западный край, — к востоку. Через его территорию проходила линия кабельной связи. При её прокладке были вывернуты камни ограды херексура у южного угла. Слоны гривы покрыты травянистой растительностью. В состав могильника входили 23 объекта: херексур, пять жертвенныхников, курган монгунтайгинского типа, шесть ПМ, курган хуннского типа, шесть хуннских детских могил, три кургана монгольского времени (рис. 3). При этом кладки двух ПМ № 1, 2 и херексура № 4 располагались компактно с наложением насыпей ПМ и двух сторон ограды херексура друг на друга.

Материалы раскопок

Вокруг херексура № 4 и ПМ № 1, 2 был разбит раскоп прямоугольной формы с прирезками вокруг ПМ, площадью около 700 кв. м (рис. 4, 5). Два жертвенныхника херексура № 2 и 5 были выкопаны отдельно. Все объекты раскапывались «на снос», т. е. кладки изучались с полной их разборкой до уровня погребенной почвы.



Рис. 4. Кладки херексура № 4, плиточных могил № 1, 2 после расчистки. Вид с востока (90°).

В верхнем правом углу — наложение кладки плиточной могилы № 1 на северо-западную сторону ограды херексура № 4. В левой части фотографии видна кладка плиточной могилы № 2, установленной на линии юго-западной стороны ограды херексура № 4

Fig. 4. Masonry of kerekur No. 4, tile graves No. 1, 2 after clearing. View from B (90°). In the upper right corner there is an overlay of the masonry of the tiled grave No. 1 on the north-western side of the fence of kerekur No. 4. In the left part of the photo, the laying of the tile grave No. 2 is visible, installed on the line of the southwestern side of the fence of Kerekur No. 4

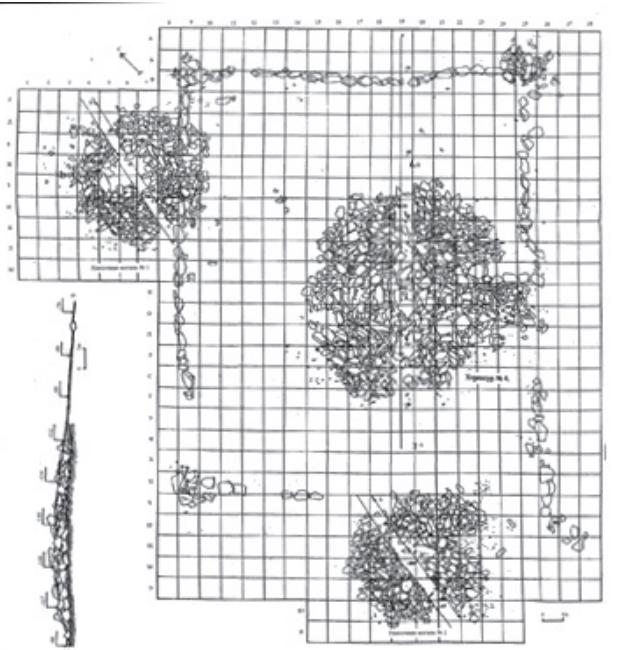


Рис. 5. План раскопа с кладками херексура № 4, плиточных могил № 1, 2
 Fig. 5. The excavation plan with the masonry of kerekur No. 4, tile graves No. 1, 2

Херексур № 4 представлял собой насыпь курганного типа, заключенную в ограду прямоугольной формы, дополненную разного рода сопроводительными кладками. Херексур не сохранился в первоначальном состоянии. Его насыпь диаметром около 9,5 м была частично разобрана. Но, несмотря на это, поверхность насыпи была сильно задернована и во многих местах поросла кустами дикой акации. По краям насыпи были видны крупные камни основания-крепиды. В центре располагались камни очень крупных размеров, длина которых достигала одного метра, ширина 0,6–0,75 м., толщина 0,3–0,4 м и даже более. Насыпь по отношению к сторонам ограды была смешена к юго-востоку, т. е. располагалась не строго по центру. В юго-восточной части она соединялась с юго-восточной стенкой ограды полосой каменной вымостки.

Углы ограды были ориентированы почти строго по сторонам света. По ним располагались небольшие круглые выкладки-наугольники диаметром 1,5–2 м. Хорошо прослеживались камни северо-восточной, северо-западной юго-восточной сторон ограды. Но они очень сильно заплыли землёй из-за расположения херексура на относительно сильно наклоненном склоне горы. Однако было отчетливо видно, что ближе к северному углу ограды происходило наложение кладки ПМ № 1 и северо-западной стенки ограды херексура друг на друга. Юго-западная стенка ограды прослеживалась очень слабо. От неё виднелись лишь отдельные камни с большими разрывами между ними. Но по ним можно было проследить линию расположения стен-

ки ограды, которая, возможно, пересекалась с кладкой другой ПМ № 2 ближе к южному углу ограды херексура. Вдоль юго-восточной стенки ограды по линии юго-запад — северо-восток располагались пять жертвенно-поминальных кладок в виде небольших сильно задернованных плоских курганчиков (выкладок круглой формы) диаметром 3–4 м (см. рис. 3).

От северо-восточной стенки ограды херексура через центр насыпи до юго-западной стенки по линии северо-восток — юго-запад была оставлена бровка. В процессе расчистки насыпи встречались обломки костей животных. Вещественных находок обнаружено не было. После расчистки херексур принял следующий вид (см. рис. 4, 5).

Насыпь обрела форму почти правильного круга. Диаметр по линии юго-запад — северо-восток составлял 9,2 м, по линии юго-восток — северо-запад — 8,8 м. По краям располагались крупные камни, образующие крепиду насыпи. Сама же она была частично разобрана. При этом северо-западная её половина была разобрана сильнее по сравнению с юго-восточной. В северо-западной части сохранились один, местами два слоя камней, лежавших в основании насыпи. Практически все камни были очень крупных размеров. Располагались они не беспорядочно, а по кругу, что очень хорошо прослеживалось визуально. Пространство между крупными камнями было заполнено более мелкими. В лучше сохранившейся юго-восточной половине камни насыпи постепенно поднимались от краев к центру. По ним было видно, что крупные камни укладывались по кругу слоями. Размеры камней нарастили к центру. В центре были уложены камни очень крупных размеров.

С северо-восточной, северо-западной и юго-западной сторон насыпь отстояла от ограды практически на равном расстоянии, соответственно в 5,3, 5,55 и 5,5 м. К юго-западной стенке ограды насыпь располагалась ближе, чем к остальным стенкам — на расстоянии 2,8 м. Здесь она соединялась с оградой сплошной вымосткой шириной 2,45 м и длиной 2,8 м из плоских камней в один слой. Её края были обрамлены более крупными камнями (см. рис. 4, 5). Там, где вымостка соединялась с насыпью херексура, с обеих сторон по бокам находились небольшие окружные кольцевидные выкладки диаметром 80 и 95 см, состоявшие из пяти камней. Одна из них с северо-восточной стороны была перерыта большой плоской плитой размерами 64 x 55 см (см. рис. 5). Такие вымостки-дорожки между насыпью и оградой херексуров, пусть и не часто, но встречаются на территории как Бурятии, так и Монголии. Возможно, по ним можно было проникать в сакральное пространство мира мертвых для исполнения каких-то обрядов, совершаемых после окончания процесса захоронения в соответствии с полным циклом погребальной обрядности.

Ограда херексура после расчистки приняла следующий вид. Её северо-восточная сторона длиной 16 м и ориентированная по линии юго-восток — северо-запад ($135-315^\circ$) сохранилась почти полностью, за исключением одного камня. Северо-западная сторона ограды длиной 19,5 м также сохранилась почти полностью, отсутствовали камни лишь на юго-западном конце на протяжении около 3,5 м. Ориентация по линии юго-запад — северо-восток ($45-225^\circ$). На северо-восточном крае эта сторона ограды пересекалась с кладкой ПМ № 1 (рис. 4–7).



Рис. 6. Наложение кладки плиточной могилы № 1 на северо-западную сторону ограды херексура № 4. Вид с юго-востока (135°)

Fig. 6. Laying of the tile grave No. 1 on the north-western side of the fence of kerekur No. 4. View from the South (135°)



Рис. 7. Наложение кладки плиточной могилы № 1 на северо-западную сторону ограды херексура № 4. Вид с юго-запада (225°)

Fig. 7. The laying of the tile grave No. 1 on the north-western side of the fence of kerekur No. 4. View from the South (225°)

После расчистки четко выяснилось, что здесь крепида ПМ № 1 перекрывала ограду херексура от кв. 9 Δ до кв. 8, 9 К на протяжении примерно 5 м (см. рис. 5). Камни ограды херексура были видны от северного угла ограды до отметки 2,65 м. Далее они полностью перекрывались камнями крепиды ПМ № 1. Затем они снова начинали четко прослеживаться с отметки 5,85 м между камнями крепиды ПМ № 1 (отметки 2,65 м и 5,85 м брали от точки пересечения северо-восточной и северо-западной сторон ограды херексура). Весь участок пересечения ограды херексура и кладки ПМ № 1 занимал пространство от отметки 2 м до отметки 7 м по линии северо-запад стороны ограды херексура. После участка перекрытия крепида юго-восточной части ограды ПМ № 1 выходила за линию ограды херексура в сторону насыпи херексура от 0,9 до 1,3 м (рис. 6, 7).

Юго-западная сторона ограды херексура была практически полностью разобрана. От неё сохранились лишь отдельные камни: два камня у западного угла, примерно через 1,75 м. лежали еще три камня (рис. 5). Ориентация, судя по их расположению и камней южного и западного углов ограды херексура, шла по линии северо-запад — юго-восток (135–315°). Восстановливаемая длина этой стороны ограды — 16,5 м. Расчистка также показала, что северо-восточный край крепиды ПМ № 2 накладывался на линию юго-западной стенки ограды херексура, которая не сохранилась. Её, по нашему мнению, разобрали носители культуры плиточных могил во время осквернения херексура. Юго-восточная сторона ограды длиной 21,25 м сохранилась на большем своем протяжении. Камни ограды отсутствовали от отметки 6,55 м (замеры от южного угла ограды) до отметки 11 м в том месте, где вымостка от насыпи соприкасалась с оградой херексура, и к юго-западу от нее. Таким образом, ограда херексура имела прямоугольную форму со сторонами в 16, 19,5, 16,5 и 21,25 м.

При расчистке выкладок по углам ограды находки отсутствовали. Диаметр выкладки восточного угла составил 1,7 м, северного угла — 1,55 м, западного угла — 1,7–1,8 м. Выкладка южного угла оказалась сильно разваленной вследствие большей крутизны склона, чем в местах расположения других наугольников. Развал вниз по склону достигал 2,9 м (рис. 5).

При разборке насыпи херексура под камнями нижнего слоя в кв. 15 Н были обнаружены фрагменты черепа и зуба лошади. Другая кость была похожа на копыто коровы. В юго-восточной половине насыпи на уровне древнего горизонта встречались редкие угольки. За пределами насыпи в пространстве между ней и оградой херексура, а также за оградой (полоса расчистки имела ширину от 1 до 5 м — см. рис. 5) находки угольков отсутствовали. Однако они присутствовали в кв. 10 И на уровне основания камней ограды херексура и крепиды ПМ № 1 в месте наложения кладки ПМ на ограду херексура. Эти находки углей могут свидетельствовать об обряде очищения места расположения будящей насыпи херексура огнем, который символизировали разбрасываемые по уровню древней поверхности угли. После удаления насыпи разрез кладки херексура был снят по юго-восточной стенке бровки (см. рис. 5). Описание разреза: в нижней по склону части разреза бровки располагались крупные, массивные камни больших размеров; в центральной части бровки располагались также очень крупные камни; в верхней (по склону) части разреза бровки камни были меньших размеров, чем внизу и по центру. В основании насыпи крупные камни лежали в два слоя. В цен-

тральной части крупные массивные камни лежали в три и даже в четыре слоя. Здесь толщина насыпи была наибольшей. Под крупными камнями основания насыпи практически сразу же начинался материковый суглинок светло-желтого цвета. Между материком и камнями насыпи залегала тоненькая прослойка так называемого аккумулятивного переходного слоя от древнего горизонта к материку. Погребенная почва толщиной 8–12 см лучше просматривалась за пределами насыпи вверх и вниз по склону гряды.

В центральной части насыпи в кв. 18 М, Н, О, П; 19 М, Н, О, П; 20 А, М, Н, О; 21 М, Н располагалась валунная камера, установленная на уровне древней дневной поверхности (рис. 8, 9). Длинной осью она была ориентирована по линии запад — восток. Сохранность западной части валунной камеры по сравнению с восточной половиной была значительно хуже, часть камней здесь отсутствовала. Поэтому высота ее в этой части была меньше, чем в восточной. При разборке валунной камеры находок сделано не было, в том числе остатков захоронения.



Рис. 8.. Валунная камера херексура № 4. Вид с севера-северо-запада (330°)

Fig. 8. Boulder chamber of kereksura No. 4. View from the CVD (330°)

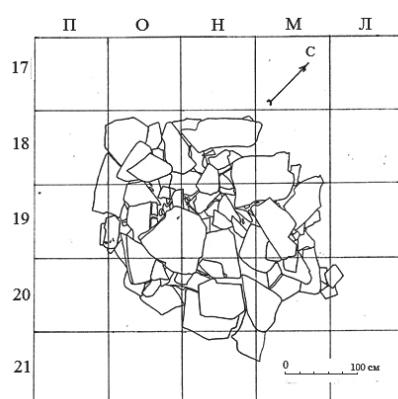


Рис. 9. Валунная камера херексура № 4

Fig. 9. Boulder chamber of kereksura No. 4

Жертвеники херексура. Из пяти жертвенно-поминальных кладок (рис. 3.-5-9) в виде небольших курганчиков для раскопок были взяты лучше сохранившиеся № 2 и 5. Диаметр обеих составлял примерно 3 м. Задернованные камни хорошо просматривались по периметру и внутри, но возвышались они над уровнем современной дневной поверхности незначительно — до 15 см. У жертвеника № 2 бровка была оставлена по линии юго-восток — северо-запад (135–315°), у жертвеника № 5 — по линии северо-восток — юго-запад (45–225°). В процессе расчистки жертвеников находок сделано не было.

Жертвеник № 5 после расчистки принял правильную круглую форму диаметром 2,40 м. Края обрамлялись большими крупными камнями высотой 20–30 см, пространство внутри было заполнено камнями средних размеров в один слой (рис. 9). С северной, восточной и южной сторон колыцо с внешней стороны было обложено более мелкими камнями. Разрез показал установку жертвеника на древней дневной поверхности (рис. 11.-1).

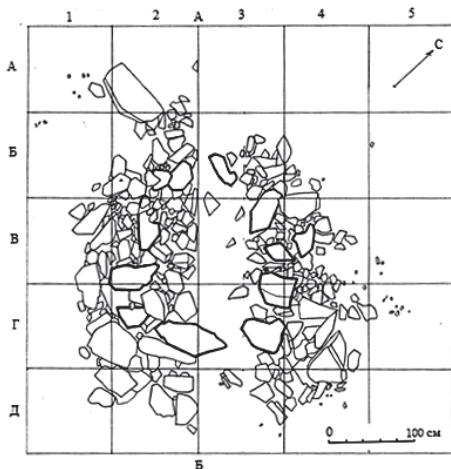


Рис. 10. Херексур № 4. Жертвеник № 5
Fig. 10. Hereksur No. 4. Altar No. 5

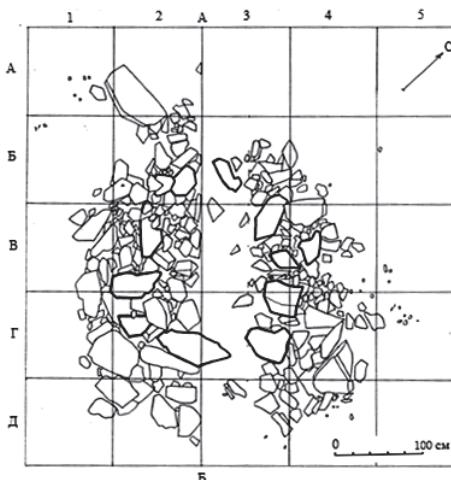


Рис. 11. Херексур № 4. Жертвеник № 2
Fig. 11. Hereksur No. 4. Altar No. 2

После удаления камней кладки в центре под ними на уровне древней поверхности залегали кости черепа лошади плохой сохранности, что не позволило их зафиксировать.

Жертвенник № 2. Развал его камней после расчистки был больше, чем у жертвенника № 5. Также хорошо просматривалась кольцевидная основа диаметром 2,40 м из камней высотой 20–30 см. Она с внешней стороны также была обложена более мелкими камнями (рис. 10). Снизу, с подгорной стороны, имелся значительный развал камней. Наиболее крупные из них могли входить в состав кольцевидного обрамления. Пространство внутри было заполнено камнями меньших размеров. Разрез показал установку жертвенника на уровне древней поверхности (рис. 11.-2). После удаления камней в центре на уровне древней поверхности были обнаружены кости черепа лошади плохой сохранности, что не позволило их зафиксировать.

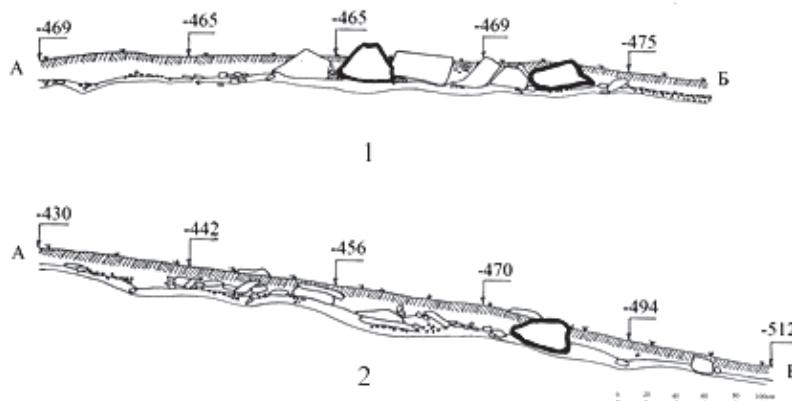


Рис. 12. Херексур № 4. Разрезы жертвенников № 5, 2
Fig. 12. Hereksur No. 4. Sections of the altars № 5 (1), 2 (2)



Рис. 13. Плиточная могила № 1. 1-Бляшка-пуговица. Бронза;
2 – Бляшка в виде головы животного (кулана?). Бронза
Fig. 13. Tile grave No. 1. 1 – Button plaque. Bronze;
2 – Plaque in the form of an animal's head (kul'an?). Bronze

Плиточная могила № 1. До раскопок ограда прямоугольной формы имела размеры 3,7 x 2,5 м. Ориентация длинной осью по линии восток — запад. Ограда хорошо прослеживалась по всем четырем сторонам, но высота ее была незначительной — 10–15 см, лишь отдельные плиты возвышались на 25–35 см. В юго-восточном углу стоял камень, возвышавшийся на 40 см над поверхностью кладки. Внутри ограды находилась яма глубиной 39 см — след грабительского лаза или кем-то предпринятых «раскопок». Выкид из него располагался с северной стороны и полностью перекрыл крепиду стенки ограды. Камни крепиды хорошо прослеживались по всем сторонам ограды. С восточной и южной подгорных сторон крепида прослеживалась лучше, чем с нагорных северной и западной сторон. Размеры размещения видимых камней крепиды: с северной стороны — на 1,75 м от ограды; с восточной стороны — до двух метров; с южной стороны — 1,75 м; с западной стороны — 0,75 м.

В процессе расчистки у восточной стенки ограды в кв. 8 Е между камнями крепиды в дерновом слое найдена человеческая фаланга, на границе кв. 8 З и 9 З — еще один человеческий сустав. У юго-восточного угла ограды в кв. 8 З между камнями крепиды в дерновом слое была обнаружена бронзовая бляшка-пуговица с петелькой на обороте. Диаметр 3 см, по краю орнаментирована небольшими выпуклинами-горошинами (рис. 12.–1, 3). В кв. 8, 9 Ж, на границах кв. 8 Ж и 3, 9 Ж и 3 были найдены фрагменты так называемой текстильной (штрихованной) керамики. В кв. 9 И также между камнями крепиды — фрагменты венчика и придонной части того же сосуда. Закраину (срез) венчика украшали оттиски гребенчатого штампа, ниже закраины располагался ряд ямок, еще ниже — налепной валик, рассеченный оттисками того же штампа (рис. 13.–1, 2).

В кв. 4 Д между камнями крепиды северной стенки ограды найдено два фрагмента гладкостенной керамики. В кв. 9 И был найден фрагмент трубчатой кости животного. В кв. 10 И на уровне основания камней крепиды ПМ и ограды херексура лежали мелкие уголки. На этом же уровне между кладкой ПМ и наугольником северного угла ограды херексура в кв. 8 В был найден фрагмент керамики.

После расчистки ПМ № 1 приняла следующий вид (рис. 15).

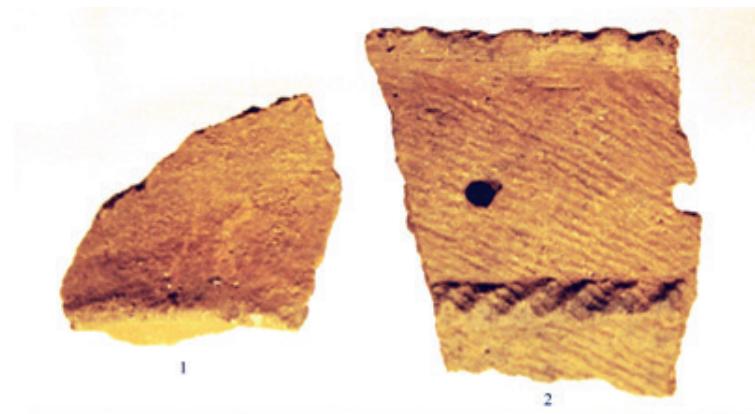


Рис. 14 Плиточная могила № 1. Керамика из кв. 8, 9 Ж

Fig. 14 Tile grave No. 1. Ceramics from sq. 8, 9 J

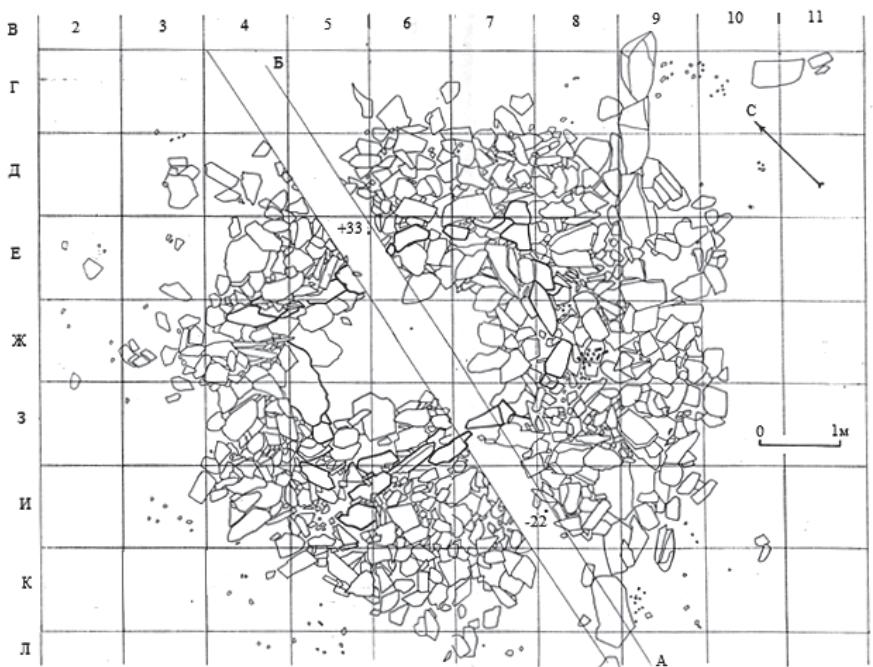


Рис. 15. Расчищенная кладка плиточной могилы № 1

Fig. 15. The cleared masonry of the tile grave No. 1

Ограда стала прослеживаться более четко. Угловой юго-восточный камень стал возвышаться на 55 см, плиты ограды — в среднем на 20–25 см. Одна плита южной стенки и большая плита западной стенки имели высоту 35 см, одна из плит восточной стенки — 30 см. Некоторые плиты ограды отломились и упали. Плита западной стенки завалилась (наклонилась) вовнутрь; плиты северной стенки — также вовнутрь; восточной стенки — наружу, т. е. во всех трех случаях вниз по склону. Плиты южной подгорной стенки ограды были хорошо укреплены крепидой и стояли с небольшим наклоном вовнутрь. Внутри ограды камни надмогильной выкладки почти по всей площади отсутствовали. До раскопок здесь прослеживалась западина. Сохранились лишь отдельные плиты и камни по краям возле ограды.

Ширина крепиды северной и западной стенок ограды (нагорных) составила по 1,20 м. Их камни в основном стали видны после расчистки. До неё они находились «под землёй» в дёрновом слое. Ширина крепиды подгорной южной стенки составила 1,90 м., подгорной восточной стенки — 2,20 м. Здесь крепида была наиболее широкой и мощной. Объясняется это не только тем, что эти стороны стенок ограды занимали подгорную позицию. По этой причине их необходимо было укрепить более основательно, чем нагорные стороны стенок ограды, но и также тем, что именно этой своей частью кладка ПМ накладывалась на северо-западную стенку ограды херексура (рис. 4–7). Наложение крепиды ПМ № 1 на ограду херексура зафиксировалось в кв. 9 Д, Е, Ж, З, И, К и 8 З, И, К (рис. 5). В кв. 9 Д, Е камни ограды херексура хорошо просматрива-

лись между камнями крепиды ПМ, но они в то же время перекрывались камнями крепиды ПМ. В западном углу кв. 9 Е и далее в кв. 8 Ж, 3; 9 Ж, 3 камни ограды херексура уже не прослеживались. Они полностью «уходили» под кладку ПМ. Здесь на поверхности видны были лишь камни крепиды восточной стенки ограды ПМ. В кв. 8, 9 И; 8, 9 К камни ограды херексура вновь стали хорошо прослеживаться. Однако в то же время они здесь были перекрыты камнями крепиды южной стенки ограды ПМ. В кв. 9 Д; 9, 10 Е; 9, 10 Ж; 9, 10 З; 9, 10 И; 9 К камни крепиды ПМ выходили за линию ограды херексура от 50–60 см до 100 см. Крепида ПМ № 1 выходила за линию ограды херексура на 1,2–1,3 м с юго-западной стороны участка пересечения и на 0,9–0,95 м — с юго-восточной стороны. Центральный участок полного перекрытия ограды херексура крепидой ПМ приходился на участок, расположенный напротив юго-восточного угла ограды ПМ, т. е. на юго-восток от угла ПМ.

При разборке кладки ПМ № 1 (крепиды, надмогильной выкладки и ограды) были сделаны следующие находки. С северной стороны ограды между камнями крепиды в кв. 6 Д и 7 Д встречались мелкие угольки. В центре кв. 7 Е между камнями кладки найдена бронзовая бляшка в виде головы животного с длинными ушами (рис. 13.–2, 4; кулана?). На бляшке обозначены ноздри, глаза и уши. На обратной стороне располагается заклепка для крепления. В кв. 7 Ж между камнями кладки ПМ найдены фрагменты керамики и кости копыта лошади. В кв. 9 Ж, З между камнями крепиды было обнаружено большое количество фрагментов керамики от того же сосуда (рис. 17.–1, 3–5), фрагменты которого были выявлены при расчистке крепиды у юго-восточного угла. Но здесь присутствовали и фрагменты придонной части сосуды, они имели невысокий поддон. Между камнями крепиды у восточной стенки ограды обнаружены кости лошади — сустав между копытом и бабкой, эпифиз, а также два маленьких уголька. В верхнем слое камней крепиды восточной стенки ограды находился фрагмент локтевой кости человека. При разборке кладки к западу от бровки внутри ограды ПМ была найдена пятонная кость ноги человека.

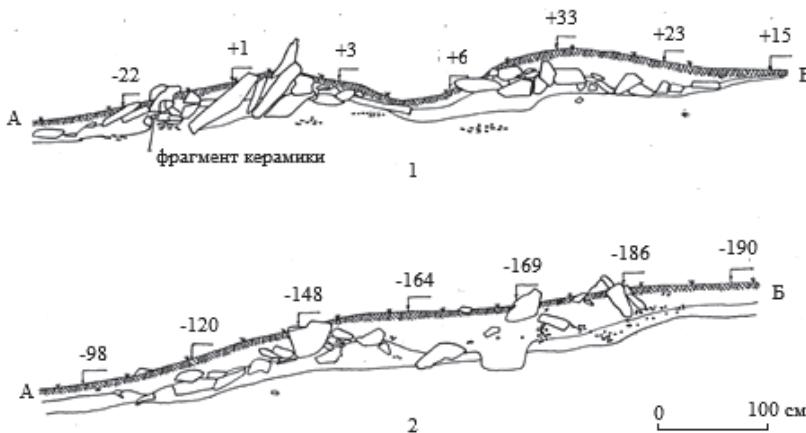


Рис. 16. Разрезы плиточных могил № 1, 2

Fig. 16 Sections of tile graves No. 1, 2

После удаления камней кладки ПМ к востоку от стенки бровки стало хорошо видно, что нижние камни восточной, южной, северной стенок ограды, а также крепиды южной и северной стенок ограды залегали на одном уровне, а именно на уровне древней дневной поверхности.

В процессе зачистки восточной стенки бровки между камнями крепиды южной стенки ограды ПМ на глубине 20–25 см от современной дневной поверхности был найден фрагмент венчика сосуда, к которому принадлежали и многочисленные фрагменты, найденные у юго-восточного угла ограды. Обнаруженный фрагмент венчика был перекрыт камнем крепиды (рис. 15.-1), т. е. он попал туда в процессе сооружения конструкции данной могилы и исполнения погребального обряда.

Разрез ПМ был снят по восточной стенке бровки (рис. 16.-1). Стратиграфия разреза: дёрновый слой, толщина от 5 до 20 см, в северной части на месте «грабительского» выкида значительно мощнее; ниже — так называемый аккумулятивный, т. е. переходный, слой от дёрнового к материевой щебенке толщиной от 4–5 до 15–20 см; ниже — материевая щебенка светло-жёлтого цвета. По разрезу было видно, что основания камней кладки ПМ (крепиды, ограды, надмогильной выкладки) залегали либо на аккумулятивном слое, либо «опустились» до материевого слоя, где толщина переходного слоя была небольшой. В целом, эти наблюдения вместе с таковыми в восточной половине ПМ о взаимном расположении камней крепиды, надмогильной выкладки и плит ограды по отношению друг друга показали, что вся кладка ПМ № 1 в свое время (в древности) сооружалась на уровне древней дневной поверхности.

Ни в разрезе бровки, ни после её удаления и при последовавшей после этого зачистке пространства внутри ограды ПМ следов могильной ямы обнаружено не было, как и следов захоронения.

Плиточная могила № 2 располагалась на реконструируемой линии юго-западной стенки ограды херексура № 4, от которой сохранились лишь отдельные камни. Однако до раскопок ограда херексура и кладка ПМ были очень сильно задернованы. Поэтому характер возможного их пересечения, т. е. наложения друг на друга, без раскопок был не совсем ясен.

Кладка ПМ была хорошо задернована. Ограда имела прямоугольную форму, размеры — 3,8 x 2,3 м, по длине ориентирована по линии восток — запад. Плиты ограды возвышались до 20 см. над современной дневной поверхностью. Угловые камни были выше ограды. Высота юго-восточного камня над кладкой составляла 45 см, юго-западного — 20 см, северо-западного — 40 см. Внутри ограды хорошо прослеживались камни надмогильной выкладки. В юго-западном секторе внутри и за пределами ограды отчетливо прослеживался бугор выброса. Площадь внутри ограды в пределах выемки от выброса слегка западала вниз. Камни крепиды вдоль стенок ограды ПМ прослеживались вдоль всех ее четырех сторон. Но их было заметно меньше у северной и западной стенок, которые являлись нагорными и поэтому сильнее заплыли землей. Ширина видимой на современной поверхности крепиды вдоль восточной стенки ограды составляла около двух метров, южной — 2,20 м, северной и западной — около одного метра. В процессе расчистки кладки ПМ в дерновом слое между камнями были сделаны следующие находки: в кв. 18 ІІ у северо-западной ограды — фрагмент ребра чело-

века; в кв. 19 Э у юго-западного угла ограды — фаланга человека; на границе кв. 17 III и 18 III между камнями крепиды северной стенки ограды — зуб человека. Других находок сделано не было.



Рис. 17. Плиточная могила № 1. Керамика, обнаруженная при разборке крепиды ограды
 Fig. 17. Tile grave No. 1. Ceramics found during the dismantling of the fortress fence

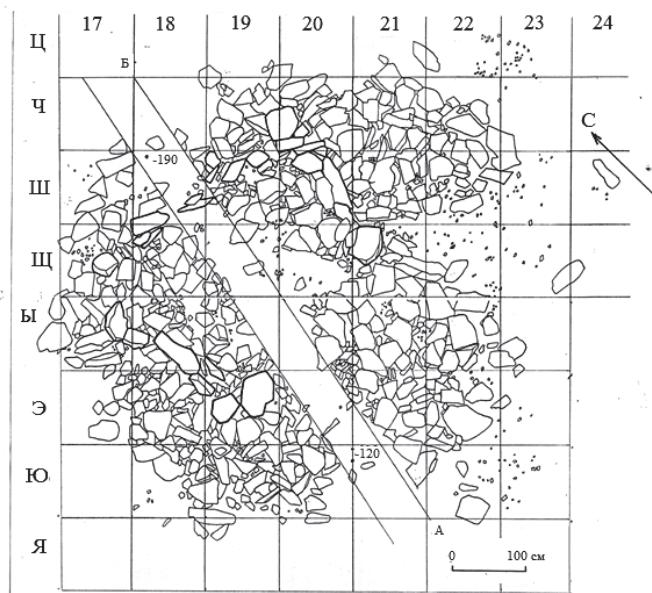


Рис. 18. Расчищенная кладка плиточной могилы № 2

Fig. 18. The cleared masonry of the tile grave No. 2

После расчистки ПМ приняла следующий вид (рис. 18). Оградка стала прослеживаться четче. Ее размеры составили 3,6 x 2,3 м. По трем углам: северо-западному, юго-западному и северо-восточному стояли более высокие камни. Высота северо-западного камня — 40–45 см, юго-западного — 40–45 см, юго-восточного — 50 см над крепидой ограды. Эти камни по всем трем углам завалились во внешнюю сторону: северо-западный и юго-западный камни — на запад, — юго-восточный — на юго-восток. Плиты ограды в среднем возвышались над крепидой и надмогильной выкладкой на 15–20 см, отдельные из них — на 25–30 см. Плиты восточной и западной стенок завалились во внешнюю сторону, северной стенки — во внутреннюю сторону, т. е. во всех случаях вниз по склону. Южная стенка ограды ПМ не сохранилась, за исключением одного камня у юго-западного углового камня. Вместе с тем камни крепиды, поставленные в свое время у плит южной стенки ограды, оставались на своем первоначальном месте. Внутри ограды по всему центру и особенно в юго-восточной части камни надмогильной выкладки отсутствовали — следы ограбления или осквернения.

Крепида вдоль северной стенки ограды имела наименьшую ширину (80–90 см) и была разреженной, камни лежали неплотно. У северо-западного угла их было меньше всего. Крепида западной стенки имела ширину 90–120 см и была плотнее, чем у северной, но менее плотной, чем вдоль подгорных южной (120–240 см) и восточной (145–240 см) стенок ограды. У юго-восточного угла ограды крепида отсутствовала, здесь камни были выбраны.

В процессе разборки кладки ПМ № 2 «на снос» никаких вещественных находок сделано не было. Попадались лишь отдельные человеческие кости — фаланги, малая берцовая, фрагменты бедренной, лопаток, позвонки. Разрез кладки ПМ был снят по восточной стенке бровки (рис. 18-2). Но, как уже указывалось выше, в центральной части ПМ многие камни кладки отсутствовали, её сохранность здесь была плохой. Поэтому в разрезе многие камни конструкции ПМ отсутствовали. Стратиграфия разреза: дёрновый гумусовый слой, толщина от 15 до 20 см, в северной нагорной части ее толщина была несколько больше. Ниже залегал так называемый аккумулятивный переходный к материковой щебенке слой толщиной от 10 до 15–20 см, за ним — материковая щебенка светло-жёлтого цвета.

В разрезе достаточно четко прослежилась могильная яма. Она имела темный цвет «мешанины» на фоне светло желтой материковой щебенки. Глубина стенок была несколько большей в северной нагорной части и несколько меньшей в южной подгорной части. Средняя глубина составляла около 30 см. Наблюдения о взаимном расположении камней в разрезе и по ходу разборки камней надмогильной выкладки, ограды и крепиды ПМ по отношению друг к другу показали, что ее конструкция была сооружена на уровне древней дневной поверхности.

После удаления бровки к западу от нее в кв. 18 ІІ, ІІ и 19 ІІ, ІІ выявились берцовые кости обеих ног, лежащие в положении *in situ* (рис. 19). Кроме них, сохранились одна коленная чашечка левой ноги и ее же сустав, располагающийся между берцовой и пятитонной костью. Берцовые кости были ориентированы по линии северо-восток-восток — юго-запад — запад (75–255°) и указывали на ориентацию костяка головой на северо-восток — восток.

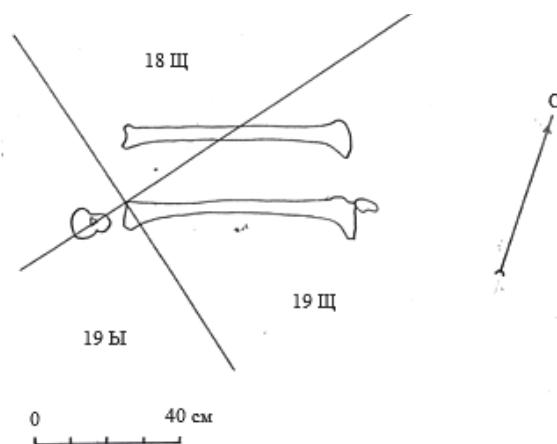


Рис. 19. Плиточная могила № 2. Остатки захоронения

Fig. 19. Tile grave No. 2. The remains of the burial

В лаборатории радиоуглеродного анализа Института истории материальной культуры РАН (зав. лабораторией — Г.И. Зайцева⁴) по костному образцу из ПМ № 2 была получена абсолютная дата 3020 ± 100 л. т. н. Интервалы калиброванного календарного возраста: 1390–1120 cal BC, л. до н. э. (1σ , 68% вероятности); 1500–940 cal BC, л. до н. э. (1σ , 95% вероятности). По археологической периодизации время сооружения ПМ № 2 соотносится с эпохой поздней бронзы в пределах XI в. до н. э. (± 100 лет), если шире — от конца XII до конца X в. до н. э. В целом же полученные радиоуглеродные даты хорошо согласуются с данными палеогеографии бронзового века на территории Монголии, о чем будет сказано ниже.

Обсуждение материалов раскопок

Выше были представлены материалы раскопок херексура № 4 и ПМ № 1, 2 на памятнике. Сама по себе их сопряженность в пределах одних и тех же могильников уже давно, еще с 1920-х гг. [Боровка, 1927: 69], была подмечена исследователями археологии Монголии и Южного Забайкалья. Неординарность такой ситуации на памятнике Старая Капчеранка I заключается в том, что на нем кладки ПМ перекрыли ограду херексура. При этом кладки и ПМ, и херексура оказались потревоженными. Соответственно, возникает вопрос о причинах: было ли это последствием банального ограбления или преднамеренного обоюдного осквернения совершенных захоронений носителями КХ и КПМ Центральной Азии. В материалах раскопок сохранилась информация, которая позволяет аргументированно решить поднятый вопрос. Этому посвящена уже подготовленная для печати статья. Она будет опубликована в ближайшее время. Забегая вперед, отметим, что потревоженность обоих типов памятников объясняется, по нашему мнению, фактами взаимного осквернения погребальных памятников людьми обеих культур.

⁴ Приношу глубокую благодарность зав. лабораторией Г.И. Зайцевой и сотруднику Государственного Эрмитажа К.В. Чугунову за безвозмездное определение радиоуглеродной даты ПМ № 2.

В данной статье рассмотрены материалы и информация, полученные в результате раскопок в Старой Капчеранке, относительно конструктивного устройства плиточных могил и херексуров, некоторых особенностей погребального обряда носителей обеих степных культур Центральной Азии бронзового и раннего железного веков, а также их датировки и причины существования их населения на одной территории, когда их жизненно важные хозяйствственные интересы при полном сходстве базовой основы палеоэкономики (кочевого — полукочевого скотоводства) вступали в непримиримый конфликт.

Раскопки ПМ № 1 и 2 методом полной расчистки кладок и за пределами прямоугольных оградок с последующей их разборкой «на снос» подтвердили ранее установленный сотрудником Бурятского республиканского краеведческого музея Г.П. Сергеевым еще в середине 1930-х гг. [Сергеев, АрхМ, 1936: 6, 37–38, 45–48] и автором статьи в начале 1980-х гг. [Цыбиктаров, 1985, 1988] принцип устройства ПМ в виде неглубокой могильной ямы, обложенной сверху каменной кладкой прямоугольной формы в несколько десятков сантиметров толщиной (надмогильная выкладка), которую затем обкладывали более высокими плитами по периметру. Они образовывали прямоугольную ограду, по углам которой, но не всегда, устанавливались высокие камни. Для предотвращения развода прямоугольной ограды с внешней стороны её укрепляли каменной выкладкой-крепидой. В некоторых случаях на некотором отдалении от оград устанавливались псевдоантропоморфные камни, наиболее многочисленной разновидностью которых являлись «сторожевые камни». Однако у ПМ Старой Капчеранки I эти памятники отсутствовали.

Фрагменты костей домашних животных, мелкие угольки, зафиксированные в разных частях конструкций кладок ПМ и херексуров при их расчистке, а также в процессе разборки их кладок «на снос», также засвидетельствовали ранее установленные обряды очищения огнём погребального пространства на месте сооружения надмогильных сооружений, использования мясных кусков туш домашних животных в процессе совершения погребального обряда [Гришин, 1973; Цыбиктаров, 1998: 48–52, 71–72, 82]. Сакральная значимость восточной стороны горизонта для населения КПМ и западной стороны горизонта для носителей КХ, ранее установленная по материалам погребального обряда (ориентации умерших головами относительно сторон света), получила дополнительное подтверждение фактом разборки кладки насыпи херексура людьми КПМ в ее западном секторе, а представителями КХ — надмогильной выкладки и крепиды ограды ПМ в восточном секторе.

Обращает на себя внимание полное отсутствие в материалах раскопок ПМ № 2 каких-либо вещественных находок, кроме отдельных фрагментов человеческого костяка. При этом отметим, что кладка этой ПМ копалась «на снос», т.е. с полным удалением камней всех составных частей ее конструкции: надмогильной выкладки, ограды и её крепиды до уровня древней поверхности. Однако в ходе полной разборки конструкции ПМ не было найдено никаких находок, даже фрагмента керамики, хотя эта категория инвентаря чаще всего встречается в ПМ, поскольку не представляла никакой ценности для грабителей. Эти особенности подтверждают ранее высказанное мнение о существовании так называемого безынвентарного варианта в погребальной практике населения КПМ [Цыбиктаров, 1998: 80–81, 83–84].

Обращает на себя внимание отсутствие каких-либо вещественных находок в херексуре, хотя его кладка достаточно больших размеров была раскопана полностью по принципу «на снос». Этот факт подтвердил ранее установленную многими исследователями, в том числе и нами, такую особенность погребального обряда носителей КХ, как его безынвертарность. В отношении конструктивного устройства насыпей херексуров раскопки на Старой Капчеранке I выявили последовательность ее сооружения от погребальной камеры в центре в сторону краев путем укладки в основании насыпи очень крупных камней, располагавшихся по кругу в несколько рядов с заполнением пустот между ними камнями средних и небольших размеров. На интерпретации материалов жертвенников № 2 и 5 херексура № 4 останавливаться не станем, отошлем к их анализу в одной из наших статей [Цыбиктаров, 2020]. Отметим лишь, что они подчеркивают исключительное большое значение лошади в жизнедеятельности древних кочевников Центральной Азии эпохи поздней бронзы.

Для погребальных сооружений обеих культур — плиточных могил и херексуров — характерна такая особенность, как возведение кладок погребальных сооружений на древней дневной поверхности и погребение умерших людей на древнем горизонте (внутри погребальной камеры херексура не были выявлены следы могильной ямы) или в яме небольшой глубины (в плиточных могилах).

Очень ценную информацию относительно датировки культуры херексуров содержит в себе факт перекрытия ограды херексура № 4 кладками плиточных могил № 1 и 2. Что касается относительной хронологии этих памятников бронзового и раннего железного веков Центральной Азии, то однозначно известно, что на данном могильнике херексур был сооружен раньше кладок плиточных могил № 1 и 2. Полученная радиоуглеродная дата ПМ № 2 в пределах XI в. до н. э. (± 100 л.), если шире — от конца XII до конца X в. до н. э. — соотносится с эпохой поздней бронзы. Эта дата хорошо согласуется с наличием керамики валикового типа в составе находок ПМ № 1 (рис. 14. 2; 17.-1, 3, 4). Как известно в археологии степной полосы Евразии, в том числе в памятниках КПМ, появление и существование керамики валикового типа приходится на эпоху поздней бронзы и раннескифское время, XIII–VIII вв. до н. э. [Черных, 1983; Цыбиктаров, 1998: 93]. Это еще раз подтверждает эпохальное соотнесение культуры херексуров и оленных камней монголо-забайкальского типа со временем позднего бронзового века.

Факты же взаимного осквернения погребальных сооружений носителями обеих культур плиточных могил и херексуров свидетельствуют о том, что в границах Южной Бурятии и сопредельных районах Монголии в конце II тыс. до н. э. происходило сосуществование групп населения этих культурных образований. Такая датировка плиточных могил и херексура на могильнике Старая Капчеранка I, как упоминалось выше, хорошо согласуются с данными палеогеографии бронзового века на территории Монголии и Южной Бурятии.

По данным палеогеографии, в последней четверти II тыс. до н. э. на территории Монголии после кратковременного периода повышения увлажненности климата приблизительно с 3500 до 3300 лет назад [Вишпер и др., 1989: 165–166; Динесман и др., 1989: 200, рис. 1.-7] началась очередная фаза аридизации климата [Дорофеюк, 2008: 34–35, 36–37, табл. 2, 43–45]. Изучение почв, погребенных под кладками плиточных могил и херексуров

могильников Старая Капчеранка I и Байн-Улан I в Кяхтинском районе Бурятии, показало, что природные условия в эпоху поздней бронзы были близки в целом к современным [Дергачева и др., 1999: 81]. Климат Южного Забайкалья и Монголии в настоящее время характеризуется как резко континентальный. Расположение плиточных могил и херексуров в долинах Онона, Селенги и Чикоя в Южном Забайкалье в ряде мест, ныне затопляемых в период больших подъемов воды, вызываемых дождями, позволяет предположить, что в этот период климат стал, видимо, засушливей, чем в предшествующее время увлажнения в XV–XIV вв. до н. э. Последовавшие сильные засухи должны были вызвать прежде всего падение продуктивности пастбищ, ограничение источников для водопоя скота, а эти факторы сразу же отражались на его численности и продуктивности. Ухудшились возможности для занятий земледелием. Таким образом, наступившая в конце II тыс. до н. э. аридизация климата была губительна в целом для обеих отраслей производящего хозяйства. Неблагоприятна она была и для присваивающих отраслей. Следовательно, с наступлением особенно засушливой фазы ухудшались вообще условия для жизни населения указанных выше кочевнических культур в открытых степях.

В такой кризисной ситуации неизбежно возникала необходимость ухода части населения КПМ и КХ, которым не хватало выпасов, с ранее обжитых территорий на другие земли в поисках пастбищ для домашних животных, являвшихся основным источником для получения как продуктов питания, так и производственного сырья для изготовления многих орудий труда, предметов быта и другой необходимой продукции. В результате на обширных пространствах степей Монголии и Южного Забайкалья начались миграции носителей обоих культурных образований ПМ и херексуров на территорию друг друга (см. более подробно [Цыбиктаров, 2012: 284–288]). Миграционные пути их встречных движений происходили по долинам Селенги и ее притоков, являвшихся в условиях того времени естественными путями перемещений, обеспеченных в первую очередь источниками воды, столь необходимой как людям, так и стадам животных. В результате носители КХ по долине этой крупнейшей водной артерии Центральной Азии вышли в степи Западного Забайкалья на территории современной Бурятии и расселились по долине Селенги и ее притоков Чикоя, Джиды, Уды. Везде в бассейнах этих рек стали проживать по соседству группы населения обоих культурных образований. Кратко охарактеризованными выше природно-климатическими процессами и их последствиями для скотоводческого хозяйства носителей культур ПМ и херексуров и объясняется соседство на памятниках степной и лесостепной зон Монголии и Южной Бурятии погребальных памятников этих кочевнических культур.

Заключение

Результаты раскопок херексура и плиточных могил на могильнике Старая Капчеранка I, несмотря на оскверненность обоих типов памятников, дали очень интересную информацию по разным аспектам изучения кочевнических культур Центральной Азии бронзового и раннего железного веков. Они подтвердили ранее известные, но вместе с тем еще недостаточно полно изученные стороны погребального обряда носителей культур плиточных могил и херексуров, конструктивных особенностей надмогильных сооружений. Особо следует отметить исключительно важное значение факта наложения кладок плиточных могил на ограду херексура для установления относительной

и абсолютной хронологии этих памятников в свете их хронологического места в хроностратиграфии бронзового века Центральной Азии в связи с датировкой в недавнем прошлом плиточных могил в основном ранним железным веком в пределах скифского времени, а херексуров — тюркским временем.

Раскопки на Старой Капчеранке I при корреляции полученной информации с данными по палеогеографии Монголии и Южного Забайкалья дали очень интересную информацию о причинах появления носителей КХ на территории населения КПМ и о характеристике разных сторон жизнедеятельности носителей КПМ и КХ в одном из периодов их развития в эпоху поздней бронзы на рубеже 2–1-го тыс. до н. э. Данный аспект потребовал своей углубленной разработки и дал очень интересные результаты. Они будут освещены в следующей публикации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Боровка Г. И. Археологическое обследование среднего течения р. Толы // Северная Монголия. Л. : Изд-во АН СССР, 1927. Вып. II. С. 43–88.

Виппер П. Б., Дорофеюк Н. И., Метельцева Е. П., Соколовская В. Т. Ландшафтно-климатические изменения в Центральной Монголии в голоцене // Палеоклиматы позднеледниковых и голоценов. М. : Наука, 1989. С. 160–167.

Волков В. В. Бронзовый и ранний железный века Северной Монголии. Улан-Батор : Изд-во АН Монголии, 1967. 148 с.

Гришин Ю. С. Бронзовый и ранний железный века Восточного Забайкалья. М. : Наука, 1975. 136 с.

Гришин Ю. С. О культе огня у ранних кочевников Забайкалья // Вопросы краеведения Забайкалья. Чита : Типография Статистического управления Читинской области, 1973. Вып. 2. С. 59–61.

Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР. Труды института этнографии. Новая серия. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1948. Т. IV. 392 с.

Дергачева М. И., Феденева И. К., Вашукевич Н. В., Гранина Н. И. Природные условия в эпоху поздней бронзы по педологическим данным // Палеоэкология человека Байкальской Азии. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. С. 77–81.

Диков Н. Н. Бронзовый век Забайкалья. Улан-Удэ : Бурятское кн. изд-во, 1958. 108 с.

Динесман Л. Г., Киселева Н. К., Князев А. В. История степных экосистем Монгольской народной республики // Биологические ресурсы и природные условия Монгольской народной республики. Т. XXXII. М. : Наука, 1989. 215 с.

Дорофеюк Н. И. Реконструкция природных условий Внутренней Азии в позднеледниковые и голоцене (по материалам диатомового и палинологического анализов озерных осадков Монголии) : автореф. дис. ... д-ра биол. наук. М., 2008. 49 с.

Кириллов И. И. Восточное Забайкалье в древности и средневековье. Иркутск : Типография Читинского управления издательств, полиграфии и книжной торговли, 1979. 96 с.

Окладников А. П. Археологические исследования в Бурят-Монголии // Известия АН СССР. Серия истории и философии. 1951. Т. 8. № 5. С. 440–450.

Окладников А. П., Запорожская В. Д. Петроглифы Забайкалья. Л. : Наука, Ленинград. отд., 1970. Ч. 2. 264 с.

Сергеев Г. П. Селенгинская археологическая экспедиция 1935–1936 гг. Отчет. Хранится в фондах Музея истории Бурятии. Улан-Удэ. Ч. 1. Инвентарный № 2969.

Сосновский Г. П. Плиточные могилы Забайкалья // Труды отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа. Л. : Изд-во Государственного Эрмитажа, 1941. Т. I. С. 273–309.

Сээр-Оджав Н. Древняя история Монголии (XIV в. до н. э. — XII в. н. э.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1971. 28 с.

Хамзина Е. А. Археологические памятники Бурятии. Новосибирск : Наука, Сибирское отделение, 1982. 153 с.

Худяков Ю. С. Херексуры и оленные камни // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1987. С. 136–162.

Худяков Ю. С. Херексуры и оленные камни // Скифская эпоха Алтая: тез. докладов. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1986. С. 40–43.

Цыбиктаров А. Д. Древние миграции в Центральной Азии в эпоху бронзы и раннего железа: причины и последствия // Монгол болон Байгал нуур орчмын Сибирийн эртний соел. Олон улсын эрдэм шинжилгээний 3-р хурлын илтгэлийн эмхтгэл. Тэргүн дэвтэр. — Улаанбаатар, МУИС-ийн Хэвлэх үйлдвэр, 2012. С. 283–292.

Цыбиктаров А. Д. Жертвенные-поминальники культуры херексуров могильника Старая Капчеранка // Экология древних и традиционных обществ. Вып. 6. Тюмень : Изд-во Тюменского ун-та, 2020. С. 228–232.

Цыбиктаров А. Д. Исследования на юге Бурятии // Археологические открытия 1983 г. М. : Наука, 1985. С. 248–249.

Цыбиктаров А. Д. Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья. Улан-Удэ : Изд-во Бурятского гос. ун-та, 1998. 288 с.

Цыбиктаров А. Д. О датировке херексуров в Южной Бурятии, Северной и Центральной Монголии // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Тезисы докладов. Барнаул : Изд-во Института истории, филологии и философии: Алт. ун-та, 1988. С. 130–132.

Черных Е. Н. Проблема общности культур валиковой керамики в степях Евразии // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья / отв. ред. Г. Б. Зданович. Челябинск : Изд-во Башкир. ун-та, 1983. С. 81–99.

REFERENCE

Borovka G. I. Arkheologicheskoye obsledovaniye srednego techeniya r. Toly [Archaeological survey of the middle reaches of the river Toly]. *Severnaya Mongoliya*. [Northern Mongolia]. Leningrad: Izdatelstvo AN SSSR, 1927, iss. 2. P. 43–88 (in Russian).

Chernykh E. N. Problema obshnosti kultur valikovoj keramiki v stepyah Evrazii [The problem of common cultures of roller ceramics in the steppes of Eurasia]. *Bronzovyy vek stepnoj polosy Uralo-Irtyshskogo mezhdurechya* [The Bronze Age of the steppe strip of the Ural-Irtysh interfluve]. Chelyabinsk: Izd-vo Bashkir. universiteta, 1983. P. 81–99 (in Russian).

Debets G. F. Paleoantropologiya SSSR [Paleoanthropology of the USSR]. *Trudy instituta etnografii. Nov. ser.* [Proceedings of the Institute of Ethnography. New ser.]. Moscow-Leningrad: Izdatelstvo AN SSSR, 1948, vol. 2, 392 p. (in Russian).

Dergacheva M. I., Fedeneva I. K., Vashukevich N. V., Granina N. I. Prirodnye usloviya v epohu pozdnej bronzy po pedologicheskim dannym [Natural conditions in the Late Bronze Age according to pedological data]. *Paleoekologiya cheloveka Bajkalskoj Azii* [Human Paleoecology of Baikal Asia]. Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN, 1999. P. 77–81 (in Russian).

Dikov N. N. *Bronzovyy vek Zabaykalia* [Bronze Age of Transbaikalia]. Ulan-Ude: Buryatskoye knizhnoye izdatelstvo, 1958, 108 p. (in Russian).

Dinesman L. G. Kiseleva N. K., Knyazev A. V. Iстория степных экосистем Монгольской народной Республики [History of steppe ecosystems of the Mongolian People's Republic]. *Biologicheskiye resursy i prirodnyye usloviya Mongolskoy narodnoy respubliki*. [Biological resources and natural conditions of the Mongolian People's Republic]. Moscow: Nauka, 1989, vol. XXXII, 215 p. (in Russian).

Dorofeyuk N. I. *Rekonstruktsiya prirodnykh usloviy Vnutrenney Azii v pozdnelednikovye i golotsene (po materialam diatomovogo i palinologicheskogo analizov ozernykh osadkov Mongolii)*. Avtoref. dis. ... dokt. biol. nauk [Reconstruction of the natural conditions of Inner Asia in the Late Glacial and Holocene (based on diatom and palynological analyzes of lake sediments in Mongolia)]. Ph. d. Thesis in biology]. Moscow, 2008. 49 p. (in Russian).

Grishin Yu. P. *Bronzovyy i ranniy zheleznyy veka Vostochnogo Zabaykalia*. [Bronze and early Iron Ages of Eastern Transbaikalia]. Moscow: Nauka, 1975. 136 p. (in Russian).

Grishin Yu. P. O kulte ognya u rannikh kochevnikov Zabaykalia [About the cult of fire among the early nomads of Transbaikalia]. *Voprosy krayevedeniya Zabaykalia*. [Questions of local history of Transbaikalia]. Chita: Tipografiya Statisticheskogo upravleniya Chitinskoy oblasti, 1973, iss. 2. P. 59–61 (in Russian).

Khamzina E. A. *Arkheologicheskie pamyatniki Buryatii* [Archaeological monuments of Buryatia]. Novosibirsk: Nauka. Sibirskoye otdeleniye. 1982. 153 p. (in Russian).

Khudyakov Yu. P. *Khoreksury i olennyye kamni* [Horeksurs and deer stones]. *Skifskaya epokha Altaya. Tez. dokladov* [Skifians epoch of Altai. Abstract. reports]. Barnaul: Izdatelstvo Altay. universiteta, 1986. P. 40–43 (in Russian).

Khudyakov Yu. P. *Khoreksury i olennyye kamni* [Horeksurs and deer stones]. *Arkheologiya. etnografiya i antropologiya Mongolii* [Archeology, ethnography and anthropology of Mongolia]. Novosibirsk: Nauka, Sibirskoye otdeleniye., 1987. P. 136–162 (in Russian).

Kirillov I. I. *Vostochnoye Zabaykalye v drevnosti i srednevekovyye* [Eastern Transbaikalia in antiquity and the Middle Ages]. Irkutsk: Tipografiya Chitinskogo upravleniya izdatelstv. poligrafi i knizhnoy torgovli, 1979, 96 p. (in Russian).

Okladnikov A. P. *Arkheologicheskiye issledovaniya v Buryat-Mongolii* [Archaeological research in Buryat-Mongolia]. *Izvestiya AN SSSR. seriya istorii i filosofii* [News of the USSR Academy of Sciences, series of history and philosophy]. 1951, vol. 8, no. 5. P. 440–450 (in Russian).

Okladnikov A. P. *Zaporozhskaya V. D. Petroglify Zabaykalia* [Petroglyphs of Transbaikalia]. Leningrad: Nauka. Leningrad. Otdeleniye, 1970, pt. 2, 264 p. (in Russian).

Sergeyev G. P. *Selenginskaya arkheologicheskaya ekspeditsiya 1935–1936 gg. Otchet. Chast 1. Khranitsya v fondakh Muzeya istorii Buryatii. g. Ulan-Ude. Inventarnyy № 2969* [Selenga archaeological expedition 1935–1936. Report. Part 1. Stored in the funds of the Museum of the History of Buryatia. Ulan-Ude. Inventory No. 2969].

Ser-Odzhav N. *Drevnyaya istoriya Mongolii (XIV v. do n. e. — XII v. n. e.): Avtoref. diP. ... dokt. ist. nauk* [Ancient history of Mongolia (XIV century BC–XII century AD). Ph. D. Thesis in sociology]. Novosibirsk, 1971, 28 p. (in Russian).

Sosnovskiy G. P. *Plitochnyye mogily Zabaykalia* [Slab graves of Transbaikalia]. *Trudy otdela istorii pervobytnoy kultury Gosudarstvennogo Ermitazha* [Proceedings of the Department of History of Primitive Culture of the State Hermitage]. Leningrad: Izdatelstvo Gosudarstvennogo Ermitazha, 1941, vol. 1. P. 273–309 (in Russian).

Tsybiktarov A. D. *Drevniye migratsii v Tsentralnoy Azii v epokhu bronzy i rannego zheleza: prichiny i posledstviya* [Ancient migrations in Central Asia in the Bronze and Early Iron Ages: causes and consequences]. *Mongol bolon Baygal nuur orchmyн Sibiriyн ertniy soyel. Olon ulsyn erdem shinzhilgeenyi 3-r khurlyn iltgelijn emkhtgel. Tergun devter* [Mongol Bolon Baigal nuur Orchmyн Sibiriyн Ertniy Soel]. Udaanbaatar: MUIS-iyн Khevlekh uylver, 2012. P. 283–292 (in Russian).

Tsybiktarov A. D. *Issledovaniya na yuge Buryatii* [Research in the south of Buryatia]. *Arkheologicheskiye otkrytiya 1983 g.* [Archaeological discoveries 1983]. Moscow: Nauka, 1985. P. 248–249 (in Russian).

Tsybiktarov A. D. *Kultura plitochnykh mogil Mongolii i Zabaykalia* [Culture of slab graves in Mongolia and Transbaikalia]. Ulan-Ude: Izdatelstvo Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. 1998, 288 p. (in Russian).

Tsybiktarov A. D. *O datirovke khreksurov v Yuzhnay Buryatii. Severnoy i Tsentralnoy Mongolii* [On the dating of Khreksurs in Southern Buryatia, Northern and Central Mongolia]. *Khronologiya i kulturnaya prinadlezhnost pamyatnikov kamennogo i bronzovogo vekov Yuzhnay Sibiri. Tezisy dokladov* [Chronology and cultural affiliation of monuments of the Stone and Bronze Ages of Southern Siberia. Abstracts of reports]. Barnaul: Izdatelstvo Instituta istorii, filologii i filosofii i Altayskogo gosudarstvennogo universiteta, 1988. P. 130–132 (in Russian).

Tsybiktarov A. D. *Zhertvenniki-pominalniki kultury khreksurov mogilnika Staraya Kapcheranka* [Altars-memorials of the Khreksur culture of the Staraya Kapcheranka burial ground]. *Ekologiya drevnikh i traditsionnykh obshchestv*. [Ecology of ancient and traditional societies]. Tyumen: Izdatelstvo Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta, 2020, iss. 6. P. 228–232 (in Russian).

Vipper P. B., Dorofeyuk N. I., Meteltseva E. P., Sokolovskaya V. T. *Landshaftno-klimaticheskiye izmeneniya v Tsentralnoy Mongolii v golotsene* [Landscape and climatic changes in Central Mongolia in the Holocene]. *Paleoklimaty pozdnelednikovia i golotsena* [Paleoclimates of the Late Glacial and Holocene]. Moscow: Nauka, 1989. P. 160–167 (in Russian).

Volkov V. V. *Bronzovyy i ranniy zheleznyy veka Severnoy Mongolii* [Bronze and Early Iron Ages of Northern Mongolia]. Ulan-Bator: Izdatelstvo AN Mongolii, 1967. 148 p. (in Russian).

Статья поступила в редакцию: 03.04.2024

Принята к публикации: 19.11.2024

Дата публикации: 24.12.2024